

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ

Р. Д. Ти́менчик
(Иерусалим)

Нижеследующая подборка продолжает ряд из почти полусотни однотипных публикаций, в том числе и включенных в два предшествующие выпуска сего ежегодника (см.: Ти́менчик 2018а: 256–312; Ти́менчик 2019: 179–247). Следует оговорить, что библиографические справки о разных лицах применительно к их роли в ахматовской жизни учитывают, помимо прочего общеобязательного, тот исторический контекст, в который неотвратимо вовлекается каждое попавшееся на карандаш владелицы записных книжек ф.и.о. – в контекст шестидесятих годов двадцатого века, когда иные имена, неумолкаемо висели в воздухе, где хватало на полразговорца, и некоторые из них, с рекордной прилипчивостью оседали на бумаге под пером «шестидесятников», как в моностихе ленинградского авангардиста (Л. Виноградова):

Хрущев читал Хемингуэя?
(цит. по: Королева 2005: 411)

Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976) – поэтесса, переводчица (см. о ней: Барскова 2020: 121–140). Вероятно, именно она названа в списке «Кто жил в Царском»: «Гнедич (переводчица)» (Ахматова 1996: 132), а не ее родич, переводчик «Илиады», как аннотировано в цитируемом издании. В проекте вечера переводов стихов Ахматовой на другие языки: «Татьяна Гнедич – англ <ийские> переводы» (Ахматова 1996: 618) – в годы войны она «стала переводить на английский язык стихи ленинградских поэтов, чтобы познакомить наших союзников с русской поэзией: то были стихи А. Прокофьева, В. Инбер, А. Ахматовой» (Усова 1993: 158).

Ей принадлежит перевод нескольких строф «Поэмы без героя» на английский:

Consecrated candels <sic!> are burning,
I with him who did not returning
Meet the year...

(1959 дек<абрь> Кр<асная> Кон<ница>)

(Ахматова 1996: 85)

«Фонтанный Дом. 31 декабря 1940. Старые лондонские часы, которые (пробив по рассеянности 13 раз) остановились ровно 27 лет тому назад, без постороннего вмешательства снова пошли, пробили без четверти полночь (с видом оратора перед началом речи) и снова затикали, чтобы достойно встретить Новый (по их мнению, вероятно, 14-ый) год. И в эти мгновения автору не то послышалось, не то привиделось все, что за этим следует. Примечание. Однако по своему английскому происхождению и опять же по рассеянности часы во время [своего] боя [часов] [бормочут] позволили себе пробормотать:

“Consecrated candels <sic!> are burning, I with him who did not returning Met the year...”

Как будто кто-то к кому-то когда-то возвращался.

Я зажгла заветные свечи,

Чтобы этот светился вечер» (Ахматова 1996: 520; ср.: Ахматова 2009: 1226–1227, 1242, 1281, 1303; без объяснения цитаты).

Ср. в письме М. М. Кралина к нам от 21 мая 1976 г.: «С. К. Островская» сказала, что перевод начала Поэмы был у А. А., но та его, по-видимому, уничтожила после того, как он вызвал критику Берлина»¹.

Т. Г. Гнедич также перевела «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Когда я ночью жду ее прихода». Ср. в записи беседы переводчика Олега Малевича с Ахматовой в апреле 1965 г.: «Весьма скептически Анна Андреевна отозвалась об английских поэтических переводах Татьяны Гнедич, да и вообще в ее отношении к этой

---

¹ Частное собрание.

переводчице и поэтессе я уловил оттенок недоброжелательности» (Малевиц 2006: 56–57). Этот оттенок можно уловить в записях разговоров (осведомительницы НКВД) С. К. Островской с Ахматовой – 27 декабря 1944 г. Гнедич была задержана – запись в дневнике Н. Н. Пунина от 8 января 1945 г.: «Арестована Гнедич (она бывала у Ани)» (Пунин 2000: 391). 29 декабря 1944 г. С. К. Островская записала: «Рассказываю ей об исчезновении Гнедич, передаю мою последнюю беседу о ней с Британцем.

– ...он сказал тогда: what a dirty dog!..

– Не надо так! – пугается искренне Ахматова. – Может быть, она самоубийца, а мы о ней такое говорим...» (Островская 2013: 536); британец – Леонард Уинкотт, впоследствии – в заключении; «Ей дали консультанта – англичанина, бывшего матроса королевского британского флота по фамилии Уинкот, он жил в Ленинграде еще до войны. Вот дружба с этим Уинкотом и послужила главной причиной последующих неприятностей. Уинкот часто говорил:

– Ну, Татьяна Григорьевна, кончится война, я вас приглашу и вы поедете ко мне в Лондон.

Ей очень хотелось поехать – и она с кем-то поделилась такой перспективой» (Усова 1993: 158–159). В конспекте беседы 7 февраля 1945 г.: «И Татьяна. Арест – придумала, биографию придумала» (Островская 2013: 681). Татьяна Гнедич меж тем находилась во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной, откуда год спустя была отправлена в лагерь строгого режима и, вернувшись в декабре 1954 г., вскорости поселилась в Павловске и городе Пушкине.

11 апреля 1945 г. Ахматова сказала под запись о Т. Г. Гнедич: «Она переводила, как дилетант... непрофессионально!» (Островская 2013: 543).

С. К. Островскую с «Поэмой без героя» познакомила именно Гнедич:

Я начала сразу читать вслух, пораженная и очарованная с первых же строк.

– Подождите... что же это! – иногда говорила я, прерывая чтение и проводя рукой по лбу.

Гнедич торжествовала, видя мою почти мучительную радость.<...>
О поэме Ахматовой я много думала и немного говорила. С Гнедич
и Антой <Оранжевой. – P. T.> мы искали расшифровок «зер-
кального письма» (Островская 2013: 521–522).

Черновики перевода двух фрагментов «Поэмы» сохранились в
рабочей тетради Т. Г. Гнедич:

Sacred candles are weirdly burning
I with him who keeps not returning
Meet the year ninety forty one.
God preserve us the erring and darkling
[Flame] is lost in the goblet sparkling
And the [mind] soul by the poison undone.

Ghostly talks are slashing and stealing,
All the maddening nightmares reeling –
And the clock is brooding the toll...
And the clock meditates the tolling
As I stand on my threshold appalling
Keeping watch of my last resort

And the bell gives a languid quiver,
And I felt an exhaustive fever
Petrified by fear unseen.
And as if of something reminded
With a shudder I look behind – and
Slowly say with a quiet ...

You're mistaken, Venice of doges
Is next door. But your masks and scourges,
Staffs and crowns, you leave in the hall
If you enter – today I rather
Glorify you as any other,
You, the whimsical shadows all,

Here is Faustus – and there Don Juan,
And behind with a tympan the new one

Brings the fauness girl to my home...
 And the walls are strangely retreating
 And [after] afar the sirens are bleating
 And the ceiling's a swollen dome.

27. III. 45 <sic!>

Dedication

And as I have by chance no sheet of paper,
 I write upon your manuscript this time
 And through my lines those other words are showing
 And as a snowflake in a wintry clime
 Without reproach or sorrow gently thawing.
 And Antinous lifts his heavy lashes –
 And all at once I see the greenish smoke,
 I feel my native wind – a gentle stroke –
 Is it the distant sea that gleames and flashes?
 No. 'tis the mournful cypress dark and sere,
 'tis Chopin's "Marche funèbre" drawing near.²

На смерть Ахматовой Гнедич отнеслась сонетом, оплакавшим ушедший «западно-восточный синтез» поэтического облика покойной и ее мифологизированную мусульманскую генеалогию:

Почему же нам стало светло?

А. Ахматова

Она молчит, венчанная Камена,
 Торжественно, кощунственно мертва.
 Закинута упрямо и надменно
 Тяжелая седая голова.

Страницы славы и страницы плена –
 Всё суета, всё праздные слова.
 Одна любовь пребудет неизменно.
 Одна любовь крылата и жива.

² ИРЛИ. Ф. 210. Оп.1. № 4; любезно сообщено Т. С. Поздняковой.

Большая жизнь усталой темной тучей,
Печалью, болью, скорбью неминучей
Легла вдали, где светится черта

Последнего весеннего заката,
Замкнувшая велением адата
Пророчицы усталые уста.

(цит. по: Кралин 1990: 448)

Тогда же она завершила работу над сонетом, снискавшим известный резонанс на родине и еще больше в зарубежье, где о нем написал Глеб Струве:

Тревожится, растет девятый вал
Поэзии. Дымится тайна слова.
Вот-вот и вспыхнет. Блока час настал...
Горит его магический кристалл –
Вселенской диалектики основа.
Все для большого синтеза готово!
Вот – внук того, кто Зимний штурмовал,
Любуется бессмертьем Гумилева...

Народный разум все ему простил –
Дворянской чести рыцарственный пыл
И мятежа бравурную затею –
Прислушайтесь: над сутолокой слов
Его упрямых бронзовых стихов
Мелодии все громче, все слышнее.

(цит. по: Тименчик 2018b: 434; см. подробнее:

Там же: 434–436; 490–491)

На этот текст откликнулся круглогодичный зоил, как всегда, не до конца осведомленный исполнитель роли записного антисоветчика: «...изо всех благоглупостей о Гумилеве, какие нам довелось читать, самую потрясающую и возмутительную формулировала некая эмигрантская поэтесса Татьяна Гнедич, заявившая, что “народный разум” де-мол Гумилеву “простил... мятежа бравурную затею!”. Глазам трудно поверить... Смеем заверить эту, в остальном нам

вовсе неизвестную даму, что нашему народу нечего прощать герою и мученику, погибшему за его честь и свободу, которому когда-нибудь, несомненно, немало памятников воздвигнется на необозримой Руси. Ну, а если верить в существование какого-то особого “советского” народа, неуклонно верного обожаемой компартии, то они как раз Гумилеву не простили и не простят.

Для большевиков Гумилев был и остается грозным врагом, тем более страшным, что хотя они его и убили, а он, наперекор им, живет и будет жить» (Рудинский 2019: 89).

Головин Александр Яковлевич (1863–1930) – портретист, художник мейерхольдовской постановки «Маскарада» (1917), на генеральной репетиции которой была Ахматова (см.: Ахматова 1996: 137, 144, 402, 443, 556, 599, 651, 663, 735) и воспоминания о которой запечатлены в наброске либретто представления по «Поэме без героя»: «Панихида, как в “Маскараде” Мейерхольда (свечи, вуали, ладанный дым)» (Ахматова 1996: 21). «Спектакль был очень пышно оформлен (Головиным), “слишком много мебели на сцене”, что А. А. не понравилось» (Будыко 1995: 351). См. впечатления от оформления у английского писателя, описавшего премьеру:

We buzzed and we hummed, we gasped and we gaped, we yawned and we applauded; and the rustle of gold tissue, the scent of gold leaf, the thick sticky substance of gold paint, filled the air, flooded the arena, washed past us into the street outside. Meanwhile M. Meyerhold, white, perspiring, in his shirt-sleeves with his collar loosened and his hair damp, is in labour behind the gold tissue to produce the child of his life... and Behold, the Child is produced! And such a child! (Walpole 1919: 158).

«Кто жил в Царском <...> 1) Головин (полуциркуль)» (Ахматова 1996: 132). «Головин с поступью царедворца» (Ремизов 1981: 156), «седой, как лунь, улыбочивый и великолепный, как добрый король из старого французского романа» (Голлербах 1927: 76) проживал в правом флигеле Екатерининского дворца с 1925 года, откуда в октябре 1927 года переехал на новую квартиру в Детском Селе. «Об улучшении

жилищных условий художника хлопотал Станиславский» (Пожарская 1990: 234).

О встречах Ахматовой с ним нам сведений не попало, но знакомство можно предположить по следующему ее рассказу 1927 года: «Комический случай: Станиславский предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (Лукницкий 1997: 281).

См. о нем до и после революции:

Головин держал себя в стороне от всех, и я ни разу не встречал его в среде «Мира Искусства», которого он, видимо, недолюбливал, к корифеям которого он относился отчасти свысока, отчасти с недоверием. Он был очень русским в душе, но обладал особым свойством русского человека (о котором говорит Достоевский) – чувствовать дух и культуру других стран до некоего духовного перевоплощения, что для художника является свойством и даром бесценным. Гений Пушкина обладал этим свойством в высокой мере. Особенно сильно чувствовал Головин сказочный мир, в изображении которого его фантазия была неиссякаема. Головин вел странный, замкнутый образ жизни. О частной его жизни никто ничего не знал. Он куда-то исчезал неделями, не давая адреса и, возвращаясь, находил груды телеграмм и писем из театральной конторы в пыли под своей дверью. Не любил он и посещать людей и избегал контакта с художниками (Щербатов 1951: 111).

– и запись рассказа вдовы художника:

Луначарский вызвал как-то Александра Яковлевича к себе для беседы и предложил ему большую, но тематически чуждую работу. Александр Яковлевич имел мужество отказаться от интересной, но чуждой его взглядам и убеждениям работы. Когда он уезжал из дома к Луначарскому, все близкие прощались с ним навек. Но нарком просвещения с уважением отнесся к убеждениям Александра Яковлевича и даже поблагодарил его за искренность (Уханова 2000: 175).

См. предшествовавшую составлению ахматовского списка краеведческую заметку Е. М. Головчинера «Художник А. Я. Головин».³

Драйвер (Driver) Сэмюэль (Sam) Норман (1929–2003) – американский славист, в 1962–1991 гг. преподаватель Браунского университета (Провиденс, Род-Айленд), автор книги “Anna Akhmatova” (New York, 1972; серия “Twayne’s World Authors Series”). По его рассказу на юбилейной ахматовской конференции в Белладжо (1989 г.), студентом Колумбийского университета в 1957 г. он выбрал русскую поэтессу как тему для доклада в семинарии по советской литературе, на что руководитель Эрнст Симмонс согласился неохотно: она второстепенная и уже мертвая. Но после этого он по совету Леона Штильмана все же стал писать о ней магистерскую работу. В 1959 г. он в Москве встречался с А. Сурковым, который в ответ на вопрос об Ахматовой минут сорок пять кричал на него.

Первая запись о нем – в разделе «Библиография»: «Докт<орская> диссерт<ация> в Ил<линойском> университет<е>. См. журнал Америка, 1961, № 58 (?)» (Ахматова 1996: 172) – о заметке «Они встретились в Москве» (Америка. 1961. № 58. С. 8–10), где сообщалось, что С. Драйвер пишет диссертацию – см. запись Л. Чуковской от 21 июля 1961 г.: «Протянула мне номер журнала “Америка”. Весь глянцевиый, брюки отутюжены, сверкают зубы и декольте. А тут еще на развороте какое-то бракосочетание: цветы, фата, бокалы, улыбки. Из подписи явствует, что сочетаются браком два американские гида – гид и гидесса – познакомившиеся на американской выставке в Москве. Один из них – тот, который жених – пишет диссертацию об Анне Ахматовой. Ее имя среди всего этого сверканья и глянца совсем неуместно» (Чуковская 1997b: 472); ср.: «Сэм Драйвер дает пояснения на выставке живописи и скульптуры. Он студент факультета русской литературы Колумбийского университета. <...> Сэм Драйвер говорит, что если бы он не приехал в Советский Союз, он никогда не сумел бы узнать многие простые

---

³ Головчинер Е. М. Художник А. Я. Головин. – Вперед (Пушкин). 1958. № 68 (2585). 7 июня.

вещи о жизни нашего народа»⁴. Затем слухи о продвижении диссертации (защищенной только в 1967 году в Колумбийском университете) фиксировались в автобиблиографии: «Док<орская> дис<сертация> Сэм Драйвера (Мичиганский университет)» (Ахматова 1996: 224; в июле 1963 г.); «Док<торская> дис<сертация> в Мичиг<анском> университете (Драйвер)» (Ахматова 1996: 256).

В начале мая 1965 г. мать С. Драйвера передала его письмо к предмету диссертации улетающей в СССР американской писательнице Ирине Куниной-Кирк (Кёрк) (1926–1992), дочери беженцев из России, выросшей в Шанхае:

25 Arnold St.
Providence, RI
May 3, 1965

Многоуважаемая Анна Андреевна!

Одна из моих знакомых недавно сообщила мне, что у нее скоро будет возможность передать Вам мою работу о Ваших стихах. Я спешу написать несколько слов в объяснении.

Вот уже шестой год, как я живу с Вашими стихами – и живу Вашими стихами. Когда при мне говорят по-русски, я слышу слова и характерные, и случайные в Ваших стихах. Часть моего ума повторяет их, целые строчки повторяются, и целые стихи – когда я читаю стихи на своем языке, та же часть моего сознания все думает: это по-Ахматовски, это Анна Андреевна одобрила бы; над этим Ахматова смеялась бы.

Я влюбился в Ваши стихи в 1959 г., и с тех пор они были со мной: моя работа, мой отдых; мой оброк и моя радость.

В 1960 г. я написал свою магистерскую диссертацию о Ваших стихах; жалкая работа, недостойная Вашего внимания. Я теперь оканчиваю свою докторскую диссертацию и посылаю ее Вам на суждение. Надеюсь, что Вы не сочтете это за дерзость; общие знакомые уверяли меня, что наверно Вам будет интересно посмотреть на эту работу. Я был бы очень благодарен, если бы

---

⁴ Жилин Ю., Меньшиков С. Диалог в Сокольниках. – Новое время. 1959. 21 августа.

взяли на себя этот труд, потому что я думал опубликовать части моего исследования – и не хочу написать ничего недостойного или неправильного. Весьма возможно, что мой подход и мои выводы вообще неприемлемы Вам <sic!>. Если так, то пожалуйста сообщите мне, и я отложу свои планы.

Если Вы найдете, что диссертация заслуживает внимание <sic!> американских и английских читателей, то я перепишу ее, учитывая Ваши указания.

Следует сказать, что диссертация в своей настоящей форме далеко не то, что я сперва написал, ни то, что я хочу написать. Состав комитета по рассмотрению моей диссертации менялся два раза, итак, мне пришлось удовлетворить требования шести профессоров.

В этом процессе почти всё оригинальное, всё, что здесь называется «импрессионистическим», надо было выбросить. То, что осталось, конечно, сухо и повторяет во многом то, что о Вас уже было написано – и безусловно повторяет ошибки предыдущих критиков.

Я два раза приезжал в Россию нарочно, чтобы увидеться с Вами, но по довольно сложным причинам мне не удалось. Я так – и столько раз – хотел Вам написать письмо, но нельзя было сказать в данное время, будет ли такая переписка удобна для Вас. Я знаю, что западные критики очень затрудняли в прошлом положение русских писателей – иногда совершенно незоснательно, и я <не> хотел <бы> ни в коем случае причинить Вам какую-нибудь неловкость.

Поэтому я ссылался на вторичные источники со всеми существенными ограничениями при таком подходе к Вашей поэзии. Не все такие источники достоверны; <sic!> я пользовался, например, книгой Г. Иванова в некоторых случаях. Я подозревал, что это – выдумка его, и даже два раза заметил это; я не подозревал, однако, что это прямая ложь. Итак, я вынул все цитаты из книги «Петербургские зимы» перед тем, как доставлю диссертацию в Колумбийский университет. Я и внесу несколько поправок: я перепутал слова «пороги» и «перила», и то, что я сказал, вышел

вздор. Одна ссылка на Жирмунского (о колорите) была случайно пропущена и т. д.

Может быть, Вам это кажется странным, что я посылаю Вам свою работу не в окончательной форме, работу, которой я сам далеко не доволен. Причина такая: один из Ваших критиков однажды написал: «Если бы Ахматова написала свои стихи на английском языке, она с первой книги заслужила бы мировую известность». Эта фраза поразила меня своей правдивостью. Я захотел познакомить говорящих на английском языке с Вашими стихотворениями, которые решительно привлекли меня в область русской литературы, которые постоянно возобновляют мою любовь к русскому языку и которые стали столь важной и драгоценной частью моей жизни<.>

Уважающий Вас

Sam Driver

Brown University<,> Providence<,> Rhode Island⁵

Фраза о ссылке на Жирмунского имеет в виду слова в статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» о «живописной, графической четкости образов» у акмеистов с «графичным и богатым многообразием и изысканностью зрительных впечатлений, линий, красок и форм» (Жирмунский 1916: 25), о «графичности линий взамен музыкальной слитности настроений и художественной неопределенности намеков» (Там же: 26). Соответствующий фрагмент в диссертации – едва ли не самый содержательный, например, рассуждения вокруг строк: «Только в спальне горели свечи / Равнодушно-желтым огнем». – Ахматова <1>912: 25): “The only primary color which is sufficiently employed as to indicate a conscious device on the part of the poetess is the color yellow. As Gumilev noted in his ‘Letter’ on Akhmatova’s ‘Rosary’ it is a most unusual color in poetry, perhaps the least employed <<Цветовых определений очень много в стихах Ахматовой и чаще всего для желтого и серого, до сих пор самых редких в поэзии>>. – *P. T.*>. It is used at only one point in the

---

⁵ Оба письма к Ахматовой, как и диссертация С. Драйвера: РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

black-and-white composition suggesting comparison with monochromatic Japanese print or wash drawing, where the yellow lamps of pilgrims on the Tokaido provide a focal point on the dark background, or where a single lighted window shines in a darkened Kyoto street.

There was a great interest in Japanese art during the decade in which Axmatova began her career; comparisons of Axmatova's lyrics with the delicacy and economy of Japanese art were inevitable (e. g. [Chudovskii]. *Po povodu [stikhov Anny Akhmatovoi]* pp. 46 ff). Ejxenbaum, however, rejected such comparisons on the basis that Japanese art was impressionistic, and he felt Axmatova's economy of words to be a result of intensity of emotion rather than a striving for an impressionistic effect ([В.Ејхенбаум. *Anna Axmatova.*] *Опыт анализа.* p. 33). On the basis of color comparison, however, the parallel does seem justified.⁶ (О ранней Ахматовой и японском искусстве см.: Тименчик 2014а: 455, Тименчик 2014b: 586; о желтом цвете у Ахматовой, наполненном ассоциациями «роковыми и мертвящими» см.: Эйзенштейн 1964: 217–218; Тименчик 2014а: 340, Тименчик 2014b: 460–461.)

В письме отразилось знакомство с только что напечатанными тогда в альманахе «Воздушные пути» ахматовскими воспоминаниями, где говорилось: «Никаких собраний на “Тучке” не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната, где и сидеть-то было не на чем. Описание five o'clock на «Тучке» (Георгий Иванов – Поэты) выдуманы от первого до последнего слова», «Всё, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах “Петербургские Зимы” Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-ых годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, – мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудренное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Всё годится и всё приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды» (Ахматова 1965: 25, 42).

---

⁶ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

Ирина Кирк, посетив Д. Е. Максимова и оставив у него диссертацию и письмо, навестила Ахматову в Комарове 14 мая 1965 г. (см.: Тименчик 2014а: 425–430, Тименчик 2014б: 543–546), подарила ей книжку С. М. Боуры о Сафо (см.: Любимова 2004: 56) и свой автобиографический роман «Рожденная с мертвыми» (Kirk 1963) с надписью «Анне Андреевне, стихами которой мы жили в детстве и в юности в Китае. Ирина Кирк, май 65 г.»⁷ и рассказала о диссертации и диссертанте:

...она помолчала, взяла книгу с «Лермонтовым» на обложке и раскрыла. Заметив, что я слежу за каждым ее жестом, она засмеялась и сказала: «Вы думаете, это Лермонтов? Нет, это моя записная книжка». Она затем протянула мне ее, раскрыв на чистой странице, и попросила меня записать Ваше имя и имена Ваших профессоров. Я сказала ей, что я до конца не уверена, но думаю, что это Р. Мэтьюсон и Л. Штильман (?). Она посмотрела на имена, жесты ее медленны, неторопливы, величественны, и сказала: «Мне это имя знакомо, он не был на выставке?» Я сказала, что да, Вы были. «Ну так я видела его в журнале “Америка”». Я сказала, радостно: «Да, это он» (Тименчик 2014а: 428).

Имена были вписаны в записную книгу «Лермонтов», но впоследствии эта страница, на обороте которой содержался черновик перевода из Леопарди, была в числе других вырвана и передана соавтору по переводу А. Г. Найману, который любезно ознакомил нас с ней. Текст записи (И. Кирк по памяти назвала ошибочно одно из имен американских славистов):

Samuel Driver
Slavic Dept.
Brown University
Providence, Rhode Island
U S A

---

⁷ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. КП-8926. МБ-3824-А.

Columbia University
 Prof. O. Mathiesen
 Prof. L. Stilman

С именем с Л. Штильмана Ахматова была знакома, его доклад она включила в свою автобиблиографию за два упоминания своего имени: «В “Метели”, Бурмин говорит Марье Гавриловне: “Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке видеть и слышать вас ежедневно...”. Слова Бурмина воспринимаются Марьей Гавриловной как литературная цитата: она “вспомнила первое письмо St.-Preux”. В своей работе “‘Адольф’ Б. Констана в творчестве Пушкина”, А. Ахматова справедливо замечает, что “в первом письме С. Пре нет выражения ‘милая привычка’...” и указывает на “Адольфа”, как на источник этого выражения. <сноска: А. А. Ахматова, «‘Адольф’ Бенжамена Констана в творчестве Пушкина», Временник пушкинской комиссии, т. I (Москва-Ленинград, 1936), стр. 109, примечание 2.> Речь Адольфа к Элленоре в начале третьей главы романа Бенжамена Констана действительно чрезвычайно близка к письму Онегина»; «Можно было бы указать на ряд частных совпадений; так, в одной из речей Дон Гуана, мы находим слова:

Я ничего не требую, но видеть
 Вас должен я, когда уже на жизнь
 Я осужден...

восходящие (на что указывала А. Ахматова в цитированной выше статье) к “Адольфу”, как и близкие к ним строки из письма Онегина. Приведем еще “хитрый искуситель” и “сущий демон”, слова, обращенные Доной Анной к Дон Гуану; так, или почти так Татьяна называет Онегина. <...> Так “Евгений Онегин” соприкасается не только с “Дон Жуаном” Байрона, но и с Дон Гуаном самого Пушкина, а через него с другой традиционной линией знаменитой легенды» (Штильман 1958: 34, 45). Доклад уроженца Петербурга Леона Григорьевича Штильмана (1902–1986) был посвящен памяти Б. В. Томашевского и вызвал на съезде славистов резкую полемику, опередив на десятилетие дискуссии об интертекстуальности:

«Почему-то этот доклад решили подвергнуть жесткой критике. Выступления [Б. П.] Городецкого, [Д. Д.] Благого, [Н. В.] Измайлова показались слишком дружелюбными и академическими. Городецкий даже сказал, что доклад производит хорошее впечатление. Тогда решили выпустить [Р. М.] Самарина, который решительно отбросил всякие церемонии. Штильман привел в докладе известное изречение Элиота, что плохие поэты подражают, а гениальные поэты крадут. Речь идет о том, что крупные поэты, заимствуя, коренным образом перерабатывают заимствованное, т. е. делают его своим. Самарин воспользовался этим местом в докладе Штильмана, чтобы приписать докладчику утверждение, что Пушкин крал и присваивал чужое. Гнусность! К счастью, на лингвистических подсекциях подобной мерзости не было» (Бернштейн 2002: 242; в печатном тексте доклада слов Т. Элиота не было).

Ирине Кирк была передан профильный фотопортрет с надписью «С. Драйверу / на память/ об / Анне Ахматовой / 14 мая 1965 / Комарово»⁸.

Через несколько дней Ахматова прочитала диссертацию, завершавшуюся пассажем:

The sense of history is strong in Axmatova. Not only do her fragile love lyrics evoke the great Russian past, but they are a kind of poetic chronicle of the cataclystic events of the decade 1912–1922. If national reminiscence has become a major motif in Axmatova's recent work, her poems of this fateful decade register directly her contemporary Edwardian word – and its total destruction.

Axmatova today occupies a position which is unique in Russian poetry. She is now recognized by some Western critics as Russia's greatest living poet. The uniqueness of her position, however, is not simply the result of longevity or fate, as such recognition unfortunately implies. Her position is that of the last major representative in poetry of an unbroken centuries-long tradition of a Russia that once was and is now no more.

---

⁸ Частное собрание.

The present study deals with only ten years of Axmatova's long creative life. It is hoped that the material presented here will contribute to a future study of the extraordinarily rich material in the poems of these years and to serve as background for the consideration of Axmatova's remarkable recent works⁹.

В экземпляре диссертации уже были некоторые пометы Д. Е. Максимова, например:

а) против абзаца –

Gumilev's teacher Brjusov was influenced by Heredia's literary exoticism and heroism and translated some of his works into Russian. Gumilev's 'Path of the Conquistadors' is strongly reminiscent of Heredia, while his enacted escape to Africa most certainly must have been inspired by Rimbaud.

– «Все это крайне сомнительно» (об отношении Ахматовой к концепции Гумилева как подражателя Эредиа см.: Тименчик 2011:620-621);

б) против фразы о стихотворении «Из логова змиева» –

In this poem Gumilev rather unkindly but amusing satirizes the *persona* of Axmatova's poems.

– «?»;

с) против фразы о зачине стихотворения «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» –

...expression of Axmatova's dominant mood at Slepnevo...

– «сл<ишком?> буквально понято»;

д) против фразы –

---

⁹ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

While there appears to be no truth in the persistent rumor that there was something more than just friendship in Akhmatova's relationship with Blok (со ссылкой на: Маковский 1964: 178).

– «зачем же повторять?»;

e) против абзаца

The Soviet Union after the devastation of the war, was in a desperate position. In a situation recalling the institution of the first five-year plan in 1929, Party leadership decided to channel all phases of Soviet life into the support of the fourth five-year plan, to begin in March 1949.

– «Это еще что?»;

f) против слов о «Реквиеме» –

...long poem in the late forties...

– «Во-первых, это цикл, во-вторых, 30-х»;

g) против слов о сборнике 1958 года –

...surprisingly good one...

– «?»;

h) против слов о стихотворениях, не вошедших в сборник 1958 года –

Poems with a *recognizable erotic element*...

– «Это так не называется даже по-английски»¹⁰; речь, вероятно, шла о стихотворении «А ты думал: я тоже такая...», цитировавшемся в ждановском докладе о «блуднице и монахини, у которой блуд смешан с молитвой, с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой» и поэтому, по настоянию доброжелательного А. Суркова не включавшемся в поздние сборники Ахматовой (см.: Тименчик 2014а: 211).

---

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

Ахматова сделала выписки из списка источников в диссертации (Ахматова 1996: 627–628), оставив свои добавления на полях, например, к Вл. Ходасевичу: «Х. о “Четках”», к М. Шагинян: «пр<о>п<ущено>», к Мандельштаму после «Утра акмеизма»: «проп<ущено>», к Э. Голлербаху после «Образа Ахматовой»: «Город Муз». Затем она начала набрасывать заметку-опровержение на диссертацию:

Разъяснение одного недоразумения. Теперь настает очередь Маковского. Сейчас прочла у Др<айвера> (стр. 71), что они, Маковские, почему<-то> стали моими конфид<ентами>, и против воли Гумилева Сер<гей> Конст<антинович> напечатал мои стихи в «Аполлоне» (1911). Я не позволю оскорблять трагическую тень поэта нелепой и шутовской болтовней, и да будет стыдно тем, кто напечатал этот вздор (Ахматова 1996: 617).

Как всегда бывало в моей жизни, случилось то, чего я больше всего боялась. Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карневали (Падуанский сборник – предисловие), но он сравнительно легко отделался.

Второй жертвой стал С. Драйвер. Его случай тяжелее. Из-за этого вся его работа не может приобрести нужный тон. Вначале он говорит, что его объект – *легендарен*, а затем подробно рассказывает, как какую-то унылую молчаливую женщину постепенно бросает ее совершенно несимпатичный муж. <...>

Критика источников в современном литературоведении – насущная задача (знаю по пушкиноведению).

Одна зависть – самая слепотствующая из страстей, какие ее деяния, страшно подумать!

Надо сказать, что С. Драйвер попал во все, подставленные ему западни – не пропустил ни одной. Нигде не усомнился – поверил всем.

К библиографии тоже стоит отнестись иначе. Напр<имер>, Шагинян – только дневник (1923), а что она писала раньше!

А я, наконец, не согласна! Я не хочу, чтобы мне подсовывали какую-то чужую и мне отвратительную жизнь и старались уверить меня, что я ее прожила, а она просто – плод воображения 5-6-ти каких-то подозрительных личностей (в основном, выживших из ума).

А еще, милый Сэм, нельзя говорить, что меня взрастили какие-то «петербургские» салоны», между тем, как я попала в эти салоны со стихами, которые создали мою известность. (Стихи зимы 1910–1911 г.).

Цитаты.

Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56). Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый – «Реквием» (1935–1940), «Русский Трианон» (уцелели отрывки) и ряд не самых моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончаете 22 годом. Добро вам, но «Лотова жена» и «Муза» – 1924, «Последний гост» – 1934 и т. д., и «Если плещется» 1 дек<абря> 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, Комарово) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет по крайней мере – правда.

Нашу переписку (сотни писем и десятки tel<egrammes>) мы сожгли, когда женились, уже тогда понимая, что это не должно существовать. На фото надпись из «Fleurs du Mal»:

Mais brûlé par l'amour du beau
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de tombeau.

(« La plainte d'un Icare »)

Надпись на этой книге:

«Лебедю из лебедей – путь к его озеру».

Посвящение мне, А.А.Г<оренко> – «Русалки» 1903. Автограф, каким-то чудом уцелевший у меня, – могу прислать вам фото, так же как надпись на парижских «Романтических цветах». Мой

экземпляр на *papier japon* или что-то в этом роде – единственный в мире.

Вот и все. Подумайте – нет ни обиженной талантливой девочки, ни мужа-тирана, ни конфидента – Маковского.

О моей роли в зарождении акмеизма здесь говорить неуместно (Ахматова 1996: 624, 626–627).

Мой совет: убрать какую-то побочную убудочную биографию Г<умиле>ва, заменить ее моей (по возможности). М. б., даже стоит дождаться опуса Хейт-Левенсон, кот<орый> должен дать *гигантский* материал, кот<орый> с легкостью уничтожит работу С.Драйвера, бред Маковского, вранье Г. Иванова и мещанские сплетни старушек. Им и в голову не приходит, что никакой seclusion after the “tragic events” не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом Правления Дом<a> иск<усств> и Дома лит<ераторов>. Наоборот, я именно тогда и возникла (выступления, журналы, альманахи), потому что рассталась с Вл<адимиром> Каз<имировичем> Ш<килейко>. Это он, одержимый своей сатанинской ревностью, не пускал меня никуда. Я оставила его навсегда весной 1921 и летом написала большой цикл стихов («Путник милый» – «Заплаканная осень» 15 сент<ября>), из кот<орых> возник сборник «Anno Domini».

Не скажу, чтобы было особенно приятно видеть себя и Колю глазами мелкого жулика Г. Иванова, абсолютно впавшего в детство, [но почему-то] злобствующего, умирающего от зависти С. Маковского и убогих и мещанских сплетниц, вроде Веры Неведомской (с кот<орой> Гум<илев> был мельком в связ<и>), и А. А. Гумилевой-Фрейганг, с которой Коля слова не сказал. (Когда Митя шел на войну, А<нна> А<ндреевна> потребовала у него завещание в ее пользу (?)). Коля сказал: «Я не хочу, чтобы мамыны деньги (братья были не деленные) Аня употребила на устройство публ<ичного> дома».

Кроме всего прочего, все эти персонажи были совершенно чужды нашей жизни, ничего в ней не понимали, хотят заработать на этом деле какие-то деньги или имя (Ахматова 1996: 625–626).

В записке упоминаются будущий ахматовский биограф Аманда Хейт и ее лондонская руководительница Жоржетт Дончин (по мужу – Левинсон; 1922–2008).

В тот же день, которым датирована ахматовская запись, написано письмо Ирины Кирк к Драйверу:

Darling Sam,

I just crossed into Austria (my namesday!) and am in a hurry to mail you the photo and to reassure you that your ms. is safely in Анна Андреевна's hands. So is your letter. I don't want to give you a messy description of our *встреча*. Want to write it up in details for you – so will write the minute I rest up a bit from the ordeal. How I wish you were in my place in *Комарово*. Sam, darling, I took the liberty of mailing \$6.00 to a friend in Oxford, and asking him to put yellow roses in A.A.'s room (early June) when she arrives¹¹.

Просьба была выполнена оксфордским другом. На карточке, приложенной к букету, обозначено:

We telegraph flowers via INTERFLORA
Madam A. Akhmatova
Randolf Hotel. Oxford¹²

Рукой Ирины Кирк написано:

Анна Андреевна, думаем о Вас и любим
Сам Драйвер
Билл Чалсма
Ирина Кирк¹³

Во время своего пребывания в Англии Ахматова изложила Аманде Хейт свои претензии к диссертации Драйвера и попросила написать о них диссертанту. Последний писал Ахматовой 20 июля 1965 г.:

---

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1715.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

Многоуважаемая Анна Андреевна!

Я получил сегодня из Англии письмо от коллеги, тоже любительницы Ваших стихов, и которая тоже работает над ними! Она передала мне Ваши заметки о первых впечатлениях моей работы. Я очень благодарен ей за услугу и особенно благодарен Вам за Ваше внимание в то время, когда Вы были так заняты. Я старался всеми способами попасть в Англию к 4-ому июня, но к несчастью это не удалось.

Мне очень жаль узнать, что из списка восьми недостоверных источников, я пользовался тремя (Неведомской, Оцупом, Маковским), которые недостоверны (о Г. Иванове я уже знал по Вашим недавно вышедшим воспоминаниям и уже вычеркнул все ссылки на него).

Если Вы будете так добры, Вы можете сами просто вычеркнуть те цитаты, которые неправильны, которые повторяют «легенды» или прямые ошибки о Вас. Там, где Вы хотите поправить эти ошибки, или заместить легенду правдой, Вы можете (или чтобы не истратить Ваше время, кто-нибудь близкий к Вам может) вписать несколько значительных слов, чтобы эти ошибки не были вечно повторены исследователями Вашей жизни и стихов. Вполне возможно, я признаюсь, что моя работа не стоит такого внимания: если так, то я думать не буду о публикации не как книга, <sic!> а просто поправлю, насколько возможно и передам в пыль Колумбийской библиотеки. Но сердечно надеюсь, что так не выйдет. Мне кажется так важно установить все факты правильно здесь. Уже два-три издателя очень интересуются книгой о Вас и о Ваших стихах; это был бы отличный случай так сделать.

Когда я говорил о «восемнадцатилетнем молчании», я хотел этим сказать, что в течение 18 лет Ваша оригинальная работа не была опубликована. Позже становится ясно, что Вы все еще писали в это время, но выражение в введении неудачно.

Я волне согласен, что я слишком много о Н. С. Гумилеве включил в первой главе и сравнительно мало о Вас. Причина не совсем приемлема, но проста: сведения о нем были, а о Вас почти ничего, кроме противоречащих друг другу отчетов старых и новых эмигрантов, источники, которые <sic!> я боялся доверять.

Относительно статьи Н. С. Гумилева о книге Садовского, мне казалось, что подход Н.С.Г. здесь весьма «акмеистический» в смысле возврата к этому миру. Несмотря на личные отношения между Н. С. Гумилевым и Садовским, мне кажется, что Н.С.Г. так рано думал «по-акмеистически», даже если он об Акмеизме пока еще не думал.

Надеюсь, что перечитая <sic!> эту статью, Вы будете согласны со мной, потому что статья (я думаю) доказывает оригинальность Гумилева в этом отношении, и что он не освоил <sic!> основные принципы у Блока или у кого-нибудь другого.

Моя английская коллега сообщает, что «не надо повторять «легенду» о том, как А.А. была открыта Вяч. Ивановым, а если Вам интересно узнать, как это действительно было, то напишите ей, и она Вам скажет». Конечно, это мне очень интересно, как и всем, которые знают Вашу работу.

Цитируя Жирмунского о Кузмине и о прекрасной ясности, я сделал ту «обычную ошибку» – но я надеюсь, все-таки, что я держал Кузмину в правильной перспективе.

Занимаюсь теперь поправками. Как английская корреспондентка заметила: «Хорошо одно: если Вы делаете ошибки, она Вам скажет». Надеюсь только, что это не будет занимать очень много Вашего драгоценного времени: может быть, один из Ваших учеников возьмет эту работу на себя в интересах действительно научных исследований о Вас на Западе.

Искренне Ваш Самуил Н. Драйвер¹⁴

Здесь Драйвер отвечает, вероятно, на замечание Ахматовой о том, что фраза Гумилева в рецензии 1909 года о Борисе Садовском – «Пусть Брюсов, как охотник, подстерегает тайны в ночных лабиринтах страсти и мысли, Иванов возносит светлое знамя Христа-Диониса, Блок то безумно тоскует о Прекрасной Даме, то безумно хохочет над нею – Садовской смотрит на них подозрительно. “В туманной мгле мороза полозьев скрипы, лай

---

¹⁴ Приложено к тексту диссертации в единице хранения в РГАЛИ (Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186). О борьбе Ахматовой с «легендой» о том, как А. А. была открыта Вяч. Ивановым» см.: Тименчик 2020: 421–424.

собак, кряхтенье водовоза” – эти темы не изменят никогда, с ними можно прожить всю жизнь» (Гумилев 1909: 23, 2-я паг.) – не может быть декларацией акмеизма за два года до его провозглашения и при напряженных личных отношениях между акмеистами и Б. А. Садовским (см.: Тименчик 1990: 34; Тименчик 2017: 486–491). У Ахматовой явно накапливалось раздражение, вызванное включением Б. Садовского в список акмеистов в статье «Акмеизм» в «Краткой литературной энциклопедии», подписанной А. Сивяским (вслед за списками Б. Михайловского и А. Волкова), как и попаданием в эти списки М. А. Кузмина, которое, по мнению Ахматовой, восходило к статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» («Поколение поэтов, которое следует за Кузминым, может быть названо в большей или меньшей степени преодолевшим символизм»).

Из Н. А. Оцуца в диссертации цитировалось, например: “Gumilev, it seems, could only be described as physically unattractive. Nikolai Osup (who knew him only after 1918), noted that his head was unusually elongated...”¹⁵.

По-видимому, С. Драйвер забыл о запрете на мемуары С. Маковского, когда писал мне 19 октября 1989 г.:

As to my book, please consider that I did it in the early sixties from work I had done beginning with a seminar paper at Columbia in 1958. I did change some things according to what Irene Kirk told me that A.A. disapproved of, but I can assure you that no objection to Makovskij was reported, and so I didn't drop him as a source. It was some years before I could get the book published, so I didn't make much use of the sources that began to appear (they weren't at all useful in my context). It must all seem very naive and ill-informed now, but there are still some useful points here and there – I hope¹⁶.

---

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

¹⁶ Частное собрание.

После знакомства Ахматовой с диссертацией последняя продолжает появляться в автобиблиографических списках: «Драйвер. Книга. Готовится. Колумбия» (Ахматова 1996: 628), «Диссертация Сэма Драйвера» (Ахматова 1996: 685).

Перед выездом в Англию среди дел намечено интересоваться состоянием зарубежных диссертаций об акмеизме – Кларенса Брауна, Уильяма Чалсма, Аманды Хейт, Сэма Драйвера и обыгрывается каламбур ВАК (Высшая аттестационная комиссия) – Вакх (Vachus): «Браун, Вилли, Хейт, Драйвер. Выездная сессия Вакха» (Ахматова 1996: 727). По возвращении 24 июня состоялась встреча с польским мандельштамоведом Рышардом Пшибыльским (1928–2016): «Пшибыльский: с ним о дис<сертации> Сэма Драйвера. Он ее дезавуирует до конца» (Ахматова 1996: 629).

Весной 1966 года Ирина Кирк писала Драйверу:

Four people read your dissertation, did I tell you? AA was a bit upset about her life there because as Tolija <Naiman> said (I forgot I wrote you that or not, sorry if I did) “She lived a certain kind of a life and that is the one she is entitled to in print. But then there could have existed no dissertation in the world which would have satisfied her.” But she did know that you loved her and appreciate it¹⁷.

В другом ее письме Драйверу сообщалась фраза Ахматовой: «Ну что ж, он любит мои стихи»¹⁸.

Сэм Драйвер не прочел ахматовских рефутаций из ее записной книжки, но отголосок переданного ему реприманда можно услышать в его позднейшей рецензии на сборник «Памяти Анны Ахматовой» при оценке «Записок об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской:

The “Diary” is the more valuable because Axmatova herself dismissed practically all the memoirs available before her death as misinformed, or more often, lies. (The diarist herself noted, as we suspect from the poetry, that Axmatova was both haughty and humble: the latter quality was

---

¹⁷ Сообщено мне Сэмом Драйвером.

¹⁸ Прочитировано мне Сэмом Драйвером.

rarely evident in her reactions to careless memoirists—or presumptuous critics) (Driver 1978: 95).

Касаясь этой рецензии, замечу *pro domo sua*, что одно недоумение рецензента –

At the end of the volume is a series of poetic tributes to Axmatova by some of the young poets who were close to her in the last years before her death (among the poems is a rather oddly placed, short memoir by L.Titov, retrospective to Axmatova's early period before World War I) (Driver 1978: 94).

– основано на недоразумении: подписанный псевдонимом «Л. Титов» исторический этюд о сборнике «Вечер» принадлежал не ветхому мемуаристу, а именно выученику литературного поколения Д. Бобышева, И. Бродского, А. Наймана (представленных этим сборником) – пишущему эти строки (см.: Титов [Тименчик] 1974: 213–217; Тименчик 2012: 27–30).

Змай (Zmai) (наст. фамилия Йованович) Йован (1833–1904) – сербский поэт. В составе «Сборника переводов» (С. 336), «Книга переводов» (С. 388). См. переводы 21 стихотворения, впервые опубликованные в 1958 году: Ахматова 2005: 495–508, 942–945. Ср.:

У сербского поэта Йовановича-Змая есть миниатюра, где полудетская наивность сопряжена с предельной лаконичностью.

В довольно точном переводе:

Там, за нивой,
Сада сень.
Тут и солнце,
Тут и тень.

А в антологии:

Там нивы блеск,
Здесь светлый сад,
То солнца жар,
То лютый хлад.

Силлабический, близкий к хорею, размер заменен ямбом, добавлены эпитеты, которых в оригинале нет, а тень (по-сербски «хлад») превратилась в холод, да еще и лютый. А подписан перевод именем Анны Ахматовой. И невольно ловишь себя на мысли: не права ли Надежда Мандельштам, утверждавшая, что Ахматова свои переводы – только подписывала? (Качуровский 1980: 112–113; перевод стихотворения «Как этот мир...» – „Dulići”; в оригинале: „Tamo njiva, / Ovde sad; / Eno sunca, / Evo hlad”. – Jovanović Zmaj 1975: 222).

Стихи Й. Йовановича-Змая входили в сборник переводов славянских поэтов пера свойственника Ахматовой Сергея Штейна, в рецензии на который в 1908 году знакомец Штейна Гумилев, отметив, что «переводы сделаны любовно», констатировал по поводу одного из представителей молодой культуры южных славян: «Сильные переживания, могучие мысли, которые определяют духовный облик поэтов, все это совершенно отсутствует в его стихах, как, впрочем, и у его товарищей по книге» (Гумилев 1990: 221).

Хемингуэй (Hemingway), Эрнест Миллер (1899–1961) – американский прозаик, лауреат Нобелевской премии (1954). Эпиграф к Эпиграфу во второй редакции «Поэмы без героя» (1943): “I suppose all sorts of dreadful things will happen to us”. «Эпиграфы <...> какие-то непостоянные <...> которые то прилипают к тексту, как траурницы к нарциссам, <одно слово густо зачеркнуто> – улетают (из «Прощай, оружие»), хотя полностью сбываются как предсказания» (Ахматова 1996: 176) – из XVIII главы романа «Прощай, оружие!» – «Я уверена, что с нами случится все самое ужасное...» (Ахматова 2009: 209, 226, 677) – «в подлиннике мягче: “I suppose” – “думаю, предполагаю, мне кажется”» (Орлова 1985: 32). Соответствующий диалог, откуда позаимствована реплика см. в переводе Е. Д. Калашниковой:

– Но ты никогда не уйдешь от меня к другому?

– Нет, милый. Я от тебя никогда ни к кому не уйду. Мне кажется, с нами случится все самое ужасное. Но не нужно тревожиться об этом.

– Я и не тревожусь. Но я тебя так люблю, а ты уже до меня кого-то любила.

– А что было дальше?

– Он погиб.

– Да, а если бы это не случилось, я бы не встретила тебя. Меня нельзя назвать непостоянной, милый. У меня много недостатков, но я очень постоянна. Увидишь, тебе даже надоест мое постоянство.

– Я скоро должен буду вернуться на фронт.

– Не будем думать об этом, пока ты еще здесь (Хемингуэй 1968, 2: 105).

Диалог, возможно, отсылает к ахматовским мыслям о ее будущем с В. Г. Гаршиным (см.: Позднякова 2002), который и являлся адресатом посвящения «Эпилога»: «Городу и другу». Мыслями этими Ахматова несомненно делилась в своем ташкентском отдалении от адресата с Н. Я. Мандельштам, и они, весьма вероятно, были связаны с размышлениями об анализе механики любви у Хемингуэя, что и отразилось, по-видимому, в письме Н. Я. Мандельштам Н. И. Харджиеву в конце 1957 года:

Мне необходимо что-то рассказать вам о перемене в концепции любви – помните, по поводу разных беатричек; и я это очень ясно вижу, потому что знаю, как эта концепция менялась в средневековой литературе. Но бумага этого не терпит... (Я даже пробовала написать вам об этом в письме – и это очень точно и сильно, и сюда входит Хемингуэй с А.... Причем она этого не понимает.) (Мандельштам 2008: 280–281).

Один эпизод известен, возможно, со слов самой Ахматовой:

Две строки из прозы Хемингуэя вместе со стихами Анны Ахматовой звучали настолько неожиданно и ново, что Иван Кашкин, знаток и переводчик знаменитого американского писателя, спросил ее:

– Анна Андреевна, откуда эти строчки: “I suppose...” (Бабаев 2000: 42).

Имя Хемингуэя было частым в ее ташкентских разговорах, возможно с мыслями вслух об отборе возможных эпиграфов:

В своих суждениях о писателях она не была чужда некоторого максимализма и непостоянства. Так, когда ей дали впервые прочесть «Прощай, оружие» Хемингуэя и спросили, что она о нем думает, она сказала: «Просто обыкновенный гений». Говорят, – годы спустя она его невзлюбила и отказывала ему в достоинствах. Хотя этому противоречит множество эпиграфов, которые она из него брала (Козловская 2015: 175).

Приверженность к нему удивляла Пастернака, который осенью 1945 года «о Хемингуэе был довольно низкого мнения («Не могу понять, что находит в нем Анна Андреевна <Ахматова>», – сказал он» (Берлин 1981: 609), но, впрочем, вскоре прочел «в один присест» «По ком звенит колокол» в переводе И. А. Кашкина и счел и оригинал, и перевод «поразительными» (Пастернак 2005а: 424).

Весной 1955 года эпиграф, точно отработавший как предсказание ждановского постановления, третьего ареста сына и кошмарной стиховой хвалы Сталину, и связанный с подавляемыми воспоминаниями о В. Гаршине и о кодексе любви по-хемингуэевски, улетел. Л. К. Чуковская зафиксировала:

Новые перемены в «Поэме»:

I. Эпиграф из Хемингуэя к «Эпилогу» «I suppose, all sorts of dreadful things will happen to us» заменен пушкинским: «Люблю тебя, Петра творенье».

– Уж очень к этой части подходит Пушкин, – сказала Анна Андреевна (Чуковская 1997b: 131).

Упразднение эпиграфа происходило на фоне свежего читательского переживания сенсации 1954 года – удостоенной Нобелевской премии повести «Старик и море» (1952). Ахматова, видимо, читала ее в оригинале, хотя не исключено, что до нее дошел ходивший по рукам перевод Е. Голышевой и Б. Изакова, публикация которого откладывалась из-за отзыва В. М. Молотова, осудившего книгу с чужих слов и отступившегося от своей оценки в разговоре с И. Г. Эрен-

бургом, так что в сентябре 1955 года перевод все же был напечатан в журнале «Иностранная литература». Тогда его прочел Пастернак, писавший читателю С. А. Оболенскому 18 октября 1955 года:

Прошлой осенью распространились толки будто на Западе выставлена была моя кандидатура на Нобелевскую премию. <...> Будто бы были предложены два соискателя, Хемингуэй и я. <...>

Так что у меня с этим рассказом родственные связи. Вчера я начал его читать... (Пастернак 2005b: 110).

Но Ахматова ранее во время весенней встречи с Пастернаком «предложила ему прочесть “Старик и море” Хемингуэя. Он ответил: “Пока не кончу романа – ничего читать не буду”» (Чуковская 1997b: 116). Можно думать, что ее весьма интересовала пастернаковская оценка новой вещи на фоне ее собственных сомнений: М. В. Алпатову запомнилось, что она «тепло отзывалась о повести Хемингуэя “Старик и море” и сравнила ее со своим переводом из корейского поэта Юн Сон До» (Алпатов 1984: 196) – речь идет о поэме «Времена года рыбака» (Ахматова 2005: 306–318, 851–853), а Лидии Чуковской 26 апреля 1955 г. она говорила:

– Нет, книга мне не понравилась. Я читала и думала: «Мне бы ваши заботы, господин учитель». Ведь это он сам и его дама появляются в конце, с их позиции все и написано... Все такое надмирное... В «Прощай, оружие!» ему было что сказать – свое, категорическое, а тут – нет, не слышу. Больше всего я люблю у него «Прощай, оружие!» и «Снега Килиманджаро»... А вы заметили – он совсем не американец? Он европеец, парижанин, кто хотите. У него и Штатов почти нет, все больше другие страны. И вы заметили, какие в его вещах все люди одинокие – без родных, без родителей? В «Прощай, оружие!» говорится про кого-то «у него даже был где-то отец». Полная противоположность Прусту: у Пруста все герои опутаны тетками, дядями, папами, мамами, родственниками кухарки (Чуковская 1997b: 114).

Эти мысли Ахматова развивала и в других разговорах: « – Хемингуэй почему-то считается американским писателем. Но ведь это неверно. Он американец лишь по рождению, он почти и не жил в

Америке, и вес, о чем писал, происходит в иных странах: в Париже, в Испании, на Кубе...» (Меттер 1998: 86); запись беседы 1959 года с американским славистом: «Из прозаиков она любила Фолкнера и Хемингуэя. Последний, по ее мнению, в сущности, не связан ни с какой определенной национальностью» (Мозер 1969: 174); «Анна Андреевна заговорила о степени современности Пруста и сказала, что Хемингуэй гораздо более современный художник: Пруст весь в быте, у него бабушка, дом, воспоминания, а Хемингуэй (“Прощай, оружие”) показал, что человек в XX веке лишился всего – дома, быта, семьи, – гол, как перст» (Толмачев 2002: 24–25). О «Старике и море» она вспомнила, когда появился «Один день Ивана Денисовича»:

В «Старике и море» Хемингуэя подробности меня раздражают. Нога затекла, одна акула сдохла, вдел крюк, не вдел крюк и т. д. И все ни к чему. А тут каждая подробность нужна и дорога... (Чуковская 1997b: 512).

Из ахматовских отзывов об американском собрате по перу нуждается в разъяснении реплика 18 октября 1959 г., записанная постоянным ее собеседником: «Говорили о диком письме Хемингуэя. Как писателя АА очень даже ценит его, но письмо – просто глупое. И фото тоже – слава оглушает» (Глёкин 2015: 87) – возможно, здесь редко, но встречающаяся у Г. В. Глёкина неточность записи, и речь идет не о письме, а об интервью Хемингуэя октября 1958 г.:

Осенью 1958 года Борису Пастернаку присудили Нобелевскую премию по литературе. Началась травля поэта в печати. Московское собрание исключило Пастернака из Союза писателей. Среди многих писателей Запада, которые поддержали гонимого, оказался и Хемингуэй. «Я подарю ему дом, – сказал он в интервью, – и сделаю все, чтобы облегчить ему привыкание к жизни на Западе. Я хочу создать ему такую атмосферу, которая необходима для продолжения его творчества. Я ощущаю ту душевную разорванность, в которой находится сейчас Борис. Я знаю, насколько глубоко в его сердце укоренилась Россия. Для такого гения как Пастернак, решение покинуть свою родину трагично. Но, если он все же приедет к нам, мы не должны его

разочаровывать. Я сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы сохранить для мира этот творческий дух. Думаю о Пастернаке ежедневно» (Орлова 1985: 45).

Отталкивание от Хемингуэя усилилось после следующих советских публикаций. Роман 1950 года «За рекой в тени деревьев» (“Across the River and into the Trees”) вышел в русском переводе в 1960 году, предваренный газетной публикацией:

Бранит отрывок из романа Хемингуэя, напечатанный в «Литературной газете».

– Отчаянная гадость! Девушка жует бифштекс с кровью и осведомляется у любовника, скольких человек он убил! Злейшая пародия на «Прощай, оружие!» (Чуковская 1997b: 384)

Отрывок появился 7 мая 1960 г. в «Литературной газете» под заголовком «Расскажи мне что-нибудь о войне»:

– Есть один отличный бифштекс, – сообщил возвратившийся Gran Maestro.

– Возьми его, дочка... Хочешь с кровью?

– Да, пожалуйста, с кровью.

.....

– А тебе много пришлось воевать?.. Ты расскажешь?

– Достаточно.

– А сколько ты убил?

– 122 верных. Не считая сомнительных.

– И совесть тебя не мучит?

– Никогда (цит. по: Чуковская 1997b: 732).

Без сомнения, к этому тексту относится запись от 8 мая 1960 г.: «Анна Андр. с ужасом рассказывала о том впечатлении, которое произвели на нее последние вещи Хемингуэя – “По ком звонит колокол”. “Это так страшно, так глупо, это так неверно!”» (Глэкин 2015: 135) – неточность записи не только в отмеченном публикаторшей отнесении предвоенного романа к последним вещам обсуждаемого автора, но и в противоречии с записью разговора зимы 1962–63 г., когда спросили «ее мнение о “По ком звонит

колокол”. Она не читала этого романа, но рассказала в ответ, как начала в первый раз читать “Фиесту”, а Пунин звал ее ехать куда-то, куда они должны были и собирались ехать, но она уже не могла оторваться и так и не встала, пока не прочла роман до конца» (Бориневич-Роскина 2006: 130) – роман «Фиеста» («И восходит солнце», “The Sun Also Rises”, 1926) вышел в Гослитиздате в 1935 году в переводе Веры Топер.

Ср.: «Как-то мы с Анной Андреевной говорили о только что вышедшем романе Хемингуэя “За рекой в тени деревьев”. Роман ей не понравился, мне тоже. Она сказала: “Дочка, кровавые бифштексы, изуродованная рука – все это безобразно”. Я добавила: “У Хемингуэя любовь всегда подразумевалась, а тут все прямо: я тебя люблю, ты меня любишь. Ну, уж так-то мы и все умеем”. Это ее очень рассмешило, и она потом часто вспоминала мои слова по другим поводам: “Так-то мы все умеем”» (Роскина 1980: 57).

Помета по прочтении посмертно изданного романа «Праздник, который всегда с тобой» (“A Moveable Feast”): «[Иностранная литература. 1964. № 7.] Стр. 114 – устрицы – морем (У меня в 1913 г., см. «Четки», у Хем<ингуэя> в 1960). В статью. (Я никогда не была с Моды в кафе или в ресторане, но он несколько раз завтракал у меня на rue de Fleurus. <...> Как непохоже на Хема. Они только и делают, что говорят об еде, вспоминают вкусную еду, и это как-то разоблачает его беллетристику, где все время едят и пьют. («Мемуары повара», – сказал Миша А<рдов>»)» (Ахматова 1996: 479); по поводу замечания М. В. Ардова см. первое специальное исследование:

Already trained “to eat all kinds of food and enjoy them,” Ernest Hemingway wasted no time in becoming an amateur gourmet when exposed to the haute cuisine of France. Page after page of *A Moveable Feast* reveals his familiarity with such French regional specialities as the *goujon en manchon* of Paris, the *poulet en truffe* of Lyon, and the *cassoulet* of Languedoc. His palate is capable of distinction between varieties of oyster – he can tell the merely good portugaises from the superb marennes – and of appreciating such delicacies as snails or sausage made from pigs’ brains. When F. Scott Fitzgerald wrote

to Hemingway in July 1928, he addressed his friend as “Precious Papa, Bull-fighter, Gourmand, ect. [sic].” Fitzgerald knew then what many have since remarked, that Hemingway became an expert in virtually every subject that interested him, be it bullfighting or eating. Hemingway displays a knowledge of alcoholic beverages in *A Moveable Feast* even more comprehensive than his knowledge of food. As George Plimpton facetiously points out in an early review of the book, “the only liquid described which Hemingway did not take to was goat’s milk.” Hemingway mentions over thirty varieties of aperitifs, wines, spirits, and liqueurs from countries as diverse as France, Italy, Switzerland, Spain, Germany, and even Algeria. Examples range from Châteauneuf du Pape, a Rhone Valley red wine, to Enzian Schnapps, a strong, dry spirit flavored with mountain gentians (Beegel 1984: 15).

Ахматова сопоставляет свои строки из стихотворения «Вечером»:

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

(Ахматова 1914: 11)

– и фразу Хемингуэя в русском переводе: «Пока я ел устрицы, сильно отдававшие морем <ср. в исходном тексте: “As I ate the oysters with their strong taste of the sea”>. – P. T.>, с легким металлическим привкусом, который смывало холодное белое вино, и тогда оставался только вкус моря и ощущение сочной массы во рту, и глотал холодный сок из каждой раковины, запивая его терпким вином, у меня исчезло это ощущение опустошенности, и я почувствовал себя счастливым и начал строить планы» (Хемингуэй 1964: 114). См. подробнее: Тименчик 1996: 50–54; Timenchik 1996: 311–318.

Ср.: «Саня [Гитович] только что прочитал “Праздник, который всегда с тобой” и был в восхищении. Ахматовой эта книга резко не понравилась.

“Я никак не могу себе уяснить, от чего тут можно приходить в восторг? – с вежливым безразличным смешком заявила она. – Что тут вообще может нравиться? Хемингуэй написал ужасающую

книгу, в которой убил своих лучших друзей. По-моему, это просто чудовищно!»» (Гитович 1991: 518).

13 марта 1965 г. Ахматова сказала Л. К. Чуковской, «что потеряла для себя Хемингуэя с тех пор, как прочла воспоминания о Париже» (Чуковская 1997с: 271).

Ахматовское восприятие американского прозаика проистекало в две читательские эпохи – первая в 1930-е годы: «В тридцатые годы я зашла в один дом. На столе раскрытая книга. Я прочла несколько страниц: гениально. Посмотрела на обложку: Хемингуэй, “Прощай, оружие!”» (Сергеев 1997: 379–380); «В середине 30-х годов Анна Андреевна показала мне как-то небольшую книжку со словами:

– Прочитайте непременно. Очень интересно.

Это было «Прощай, оружие!» еще неизвестного нам Хемингуэя. Роман тогда у нас только что перевели» (Гинзбург 1989: 362). Перевод Евгении Калашниковой вышел в Гослитиздате в 1936 году.

См. и один из первых русских отзывов на этот роман:

Книга Хемингвея написана с таким пристальным и отчетливым изображением того «малого», из чего могут быть сотканы две воображаемой жизни, что она кажется иногда какой-то автобиографической записью. Но ведь это иллюзия, разумеется, желанная иллюзия искусства. Читатель, который должен бороться с такой иллюзией – это ли не победа автора! Хемингвей, конечно, не мемуарист, но романист, и повесть его есть тот вымысел, который настойчивее всякого воспоминания.

И вот, оказывается, его страна, представляющаяся нам отсюда иногда «школой бездушия», читает и пишет книгу, где с большой силой, и странной свежестью, и простотой, не ищущей никаких прикрас, и прямоотой, доходящей до резкости, и честностью, которая может быть принята за грубоватость, изображена столь нам знакомая и всегда для нас новая «мистерия» соприкосновения душ¹⁹.

---

¹⁹ Муратов П. Американские чтения. Возрождение. 1930. № 1807. 14 мая.

См. также один из первых советских отзывов, принадлежавший будущей приятельнице Ахматовой:

Когда вы читаете Хэмингуея, у вас может возникнуть такое чувство:

Будто вы сидите в театре и ждете поднятия занавеса. За собой, в следующем ряду вы слышите разговор. Понемногу вы начинаете вслушиваться. Говорят о вещах, вас интересующих. Называют знакомые имена. Уже погашены огни. Вы оглядываетесь и различаете знакомые лица. Вы рады встрече, вы говорите тоже, теперь вам был бы еще более ясен смысл предшествовавшего разговора, но вы не вдумываетесь, так как незаметно втянуты сами. Теперь поднимается занавес. Нехотя вы поворачиваете голову, вам трудно сосредоточиться. С нетерпением вы ожидаете антракта.

Главное оказалось не на сцене, а в зрительном зале.

Примерно так пишет Хэмингуей. События у него существуют лишь для того, чтобы можно было показать, как от них отворачивались герои.

Тема, казавшаяся основной в начале книги, в конце оказывается побочной. Люди, которые могли быть главными героями, ступеньваются или совсем уходят со сцены. Фабула расплывчата, лишена цельности, потому что все это – то, от чего убегает герой, а не то, к чему он стремится (Сильман 1936: 171).

См. также свидетельство Лидии Жуковой: «Когда только-только появился Хемингуэй, Эйхенбаум сказал мне, что плакал над «Прощай, оружие!». Формалист, он плакал, он обливался над сентиментальным вымыслом слезами...» (Жукова 1983: 236).

Исключением в эту первую эпоху для Ахматовой была только одна книга – см. конспект беседы с ней 7 февраля 1945 г.: «О Хемингуэе – минус “To Have and Have Not”» (Островская 2013: 681) – «Иметь и не иметь» (англ. “To Have and Have Not”) – повесть 1937 года о рыбаке-контрабандисте, русский перевод Е.Калашниковой (1938). Ср. разговоры ноября 1939 года: « – Да, большой писатель, – сказала Анна Андреевна. – Я только рыбную ловлю у него ненавижу. Эти крючки, эти рыбы, черви... Нет, спасибо!» (Чуковская 1997а: 57) и апреля 1955 года: «Заговорили о Хемингуэе. Анна Андреевна

объявила, что не любит у него рыбной ловли, а я, при этих словах, сразу схватилась за губу.

– Ах, я вижу, – сказала Анна Андреевна, – вы тоже понимаете, какво рыбам? Крючок впивается им в губу! Это еще хуже, чем охота, о которой пишут столь поэтично и несут домой окровавленных птиц...» (Чуковская 1997b: 113).

Вторая эпоха наступила после периода остракизма, которому подвергся Хемингуэй между 1946 и 1955 годами, когда он выступал только как мишень патриотической критики и сатиры, например, в эпиграмме на космополитов:

Он тихий теоретик, так сказать,
Но он творит, все более хамяя:
Всего Тургенева он может променять
На заграничный чих Хемингуэя²⁰.

Второе пришествие Хемингуэя в СССР окрасило эпоху «шестидесятилетия» (см.: Тименчик 2014: 521): «В 1960-е годы Хемингуэй был не только кумиром интеллигенции, чтение его означало принадлежность к некоему интеллектуальному клану. Так, в фильме “Ранние электрички” простоватый рабочий парень обиженно называет своих более развитых сверстников “хемингуэй”. <...> Герои Хемингуэя: бородатые молчаливые скептики, глубоко чувствующие, но ничем не выдающие своей любви и своих страданий, ковбои, охотники, разведчики, бойцы интербригад, постоянно путешествующие с одного континента на другой – оказались очень удобной моделью для преодоления конформизма, социалистического коллективизма, всеобщей унификации и готовых, заданных партией и правительством решений. Недаром аксеновский Алик <герой повести “Звездный билет”. – Р. Т.> знает Хемингуэя “назубок”» (Альтшуллер, Дрыжакова 1985: 235); ср., впрочем, о воспоминаниях Андрея Битова: «Он вспоминает, как в пятидесятые годы мы жили под Ремарка и под Хемингуэя

---

²⁰ Васильев С. Сердца горестные заметы специально для «Литгазеты». – Литературная газета. 1948. № 21 (2404). 13 марта.

и воображали, что “Три товарища” и “Прощай, оружие” были написаны только что. Как нехороши, как несвежи были эти розы, и как скучно, должно быть, молодым читать о нашем пробуждении!» (Либерман 1998: 321).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов М. В. 1984. Жизнь искусствоведа. – Панорама искусств. Вып. 7. С. 170–206.
- Альтшуллер М., Дрыжакова Е. 1985. Путь отречения: Русская литература 1953–1968 [Tenaflý, N. J.]: Эрмитаж.
- Ахматова А. <1>912. Вечер: Стихи. СПб.: Цех поэтов.
- Ахматова А. 1914. Четки. СПб.: Издательство „Гиперборей“.
- Ахматова А. 1965. Мандельштам (Листки из дневника). – Воздушные пути: Альманах. [Вып.] IV. С. 23–43.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой; вступительная статья Э. Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 2005. Собр. соч. Т. 8 (дополнительный): Переводы. 1950–1960-е годы / Сост., комментарии, статья Н. В. Королевой; подготовка текста Э. В. Песоцкого и Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак 2000.
- Ахматова А. 2009. «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Издание подготовила Н. И. Крайнева. СПб.: Издательский дом «Миръ».
- Бабаев Э. 2000. Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Барскова П. 2020. Опасный сектор воспоминаний: Блокадные построения Татьяны Гнедич. – Барскова П. Седьмая щелочь. Тексты и судьбы блокадных поэтов. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. С. 121–140.
- Берлин И. 1981. Встречи с русскими писателями: 1945 и 1956 / Пер. с английского Д. Сегал, Е. Толстая-Сегал, О. Ронен в сотрудничестве с автором. – Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. V–VI. Jerusalem: The Magnes Press. С. 593–641.
- Бернштейн С. Б. 2002. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. академик РАН В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН.

- Бориневич-Роскина И. В. 2006. Воспоминания девочки / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Н. И. Крайневой. – «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей ред. Д. Макфадыена. М.; СПб.: Альянс Архео. С. 129–134.
- Герштейн Э. 1998. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Гинзбург Л. 1989. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель.
- Гитович С. 1991. В Комарове. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; комментарии А. В. Курт, К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 503–519.
- Глёкин Г. 2015. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подготовка текста, вступительная статья, комментарий Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник.
- Голлербах Э. 1927. Город муз: Детское село, как литературный символ и памятник быта. Л.: изд. автора.
- Гумилев Н. 1990. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлиндер (при участии Р. Д. Тименчика); вступительная ст. Г. М. Фридлиндера; подготовка текста и комментарии Р. Д. Тименчика. М.: Современник.
- Жирмунский В. 1916. Преодолевшие символизм. – Русская мысль. Кн. 12. Отд. II. С. 25–56.
- Жукова Л. 1983. Эпипоги. Кн. 1. Нью-Йорк: Chalidze Publications.
- Каминская А. Г. 1992. Памяти Аманды. – Ахматовские чтения. Вып. 3: Свою меж вас еще оставив тень... М.: Наследие. С. 43–45.
- Качуровский И. 1980. «Поэзия Европы» по-советски. – Новый журнал. № 141. С. 108–117.
- Козловская Г. 2015. Шахерезада: Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ.
- Королева Н. 2004. Поэзия точного слова. – Борис Слуцкий: Воспоминания современников. СПб.: Журнал «Нева». С. 401–414.
- Кралин М. 1990. Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат.
- Лахути Г. 1993. «Любви моей осталось в мире дело». Повесть об отце. – Литературное обозрение. № 9/10. С. 83–94.
- Либерман А. 1998. Рец. на кн.: Битов А. Новый Гулливер. 1997. – Новый журнал. № 211. С. 321–322.
- Лукницкий П. Н. 1997. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: УМСА-Press; Русский путь.
- Любимова А. В. 2004. «Дорога не скажу куда...»: Дневниковые записи о встречах с А. А. Ахматовой 1944–1965 гг. СПб.: Агат.

- Малевич О. М. 2006. Одна встреча с Анной Ахматовой. – «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей ред. Д. Макфадыена. М.; СПб.: Альянс Архео. С. 49–58.
- Мандельштам Н. 2008. Об Ахматовой. Изд. второе, исправленное / Сост. П. Нерлер. М.: Три квадрата.
- Меттер И. 1998. Допрос: Автобиографическая проза и воспоминания. СПб.: Фонд русской поэзии.
- Мозер Ч. 1969. У Анны Ахматовой. – Грани. № 73. С. 171–174.
- Найман А. 1989. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература.
- Орлова Р. 1985. Хемингуэй в России: Роман длиной в полстолетия. Ann Arbor: Ardis.
- Островская С. К. 2013. Дневник / Вступительная ст. Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой. М.: УМСА-Press; Русский путь.
- Пастернак Б. 2005а. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. 9: Письма 1935–1953. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Б. 2005b. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. 10: Письма 1954–1960. М.: Слово/Slovo.
- Пожарская М. Н. 1990. Александр Головин: Путь художника. Художник и время. М.: Советский художник.
- Позднякова Т. С. 2002. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост. и комментарии Т. С. Поздняковой. СПб.: Невский Диалект.
- Пунин Н. Н. 2000. Мир светел любовью / Сост., предисловие, примечания и комментарий Л. А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр.
- Ремизов А. 1981. Встречи. Петербургский буерак. Париж: LEV.
- Роскина Н. 1980. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж: УМСА-Press.
- Рудинский В. 2019. Вечные ценности: Статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя.
- Сергеев А. 1997. Omnibus: Альбом для марок. Портреты. О Бродском. Рассказики. М.: Новое литературное обозрение.
- Сильман Т. 1936. «Прощай, оружие!» Хемингуэя. – Звезда. № 11. С. 171–178.
- Тименчик Р. 1996. Устрицы Ахматовой и Анненского. – Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сборник научных трудов. СПб.: АО Арсис. С. 50–54.

- Тименчик Р. Д. 2012. О первом сборнике Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 10. Симферополь: Крымский Архив. С. 27–30.
- Тименчик Р. 2014а. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т. 1. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2014б. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т. 2. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2018а. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Slavica Revalensia*. Vol. V. С. 256–312.
- Тименчик Р. 2018б. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры.
- Тименчик Р. 2019. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 179–247.
- Тименчик Р. 2020. Из Именного указателя к *Записным книжкам* Ахматовой: Круг Вячеслава Иванова – Владимир Пяст. – *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang. P. 421–435.
- Титов Л. [Р. Д. Тименчик]. 1974. К шестидесятилетию книги «Вечер». – Памяти А. А. Ахматовой: Стихи, письма, воспоминания. Париж: YMCA-Press. С. 213–217.
- Толмачев М. 2002. Бутылка в море. М.: Д. Аронов.
- Уханова А. В. 2000. Тени прошлого: Воспоминания художницы / Публикация Ю. М. Дворкина. – Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925. СПб.: Лики России. С. 163–182.
- Хемингуэй Э. 1964. Праздник, который всегда с тобой. – *Иностранная литература*. № 7. С. 112–182.
- Хемингуэй Э. 1968. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Издательство «Художественная литература».
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997б. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997с. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966. М.: Согласие.

- Штильман Л. Н. 1958. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина. 's-Gravenhage: Mouton & Co. (American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958).
- Щербатов С. 1951. Русские художники. – Возрождение. №18. С.111–123.
- Эйзенштейн С. М. 1964. Избр. соч.: В 6-ти тт. Т. 2. М.: Искусство.
- Beegel, S. F. 1984. Hemingway Gastronimique: A Guide to Food and Drink in *A Moveable Feast* (with Glossary). – *The Hemingway Review*. Vol. 4. No. 1. P. 14–26.
- Driver, S. 1978. [Рец. на:] “Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis'ma, vospominaniia”. – *The Slavic and East European Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 94–95.
- Jovanović Zmaj, J. 1975. *Odabrana dela*. Kn. 1: Đulići uveoci. Novi Sad: Matica srpska.
- Kirk, I. 1963. *Born with the Dead*. Cambridge, Mass.: The Riverside Press.
- Timenchik, R. 1996. The Oysters of Akhmatova and Annenskii. – *Elementa: The Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics*. Vol. 2. Nos. 3–4. P. 311–318.
- Walpole, H. 1919. *The Secret City*. New York: George H. Doran Company.

REFERENCES

- Alpatov, M. V. “Zhizn' iskusstoveda.” *Panorama iskusstv* 7 (1984): 170–206.
- Al'tshuller, M. and Dryzhakova, E. *Put' otrecheniia: Russkaia literatura 1953–1968*. Tenaflly, N. J.: Hermitage, 1985.
- Akhmatova, A. *Vecher: Stikhi*. Saint-Petersburg: Tsekh poetov, <1>912.
- . *Chetki*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo “Giperborei,” 1914.
- . “Mandel'shtam (Listki iz dnevnika).” *Vozdushnye puti: Al'manakh* 4 (1965): 23–43.
- . *Zapisnye knizhki (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 8 (additional), *Perevody. 1950–1960-e gody*. Edited by N. V. Koroleva and E. V. Pesotskii. Moscow: Ellis Lak 2000, 2005.
- . “*Ia ne takoi tebia kogda-to znala...*”: *Anna Akhmatova. Poema bez Geroia. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: Materialy k tvorcheskoi istorii*. Edited by N. I. Kraineva. Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom “Mir,” 2009.
- Babaev, E. *Vospominaniia*. Saint-Petersburg: INAPRESS, 2000.

- Barskova, P. "Opasnyi sektor vospominanii: Blokadnye postroeniia Tat'iany Gnedich." In *Sed'maia shcheloch': Teksty i sud'by blokadnykh poetov*, by Polina Barskova, 121–40. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2020.
- Beegel, S. F. "Hemingway Gastronomie: A Guide to Food and Drink in *A Moveable Feast* (with Glossary)." *The Hemingway Review* 4, no. 1 (1984): 14–26.
- Berlin, I. "Vstrechi s russkimi pisateliami: 1945 i 1956." Translated from the English by D. Segal, E. Tolstaia-Segal and O. Ronen in collaboration with the author. In *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*. Vol. 5–6, 593–641. Jerusalem: The Magnes Press, 1981.
- Bernshtein, S. B. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*. Edited by V. N. Toporov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002.
- Borinevich-Roskina, I. V. "Vospominaniia devochki." Edited, introduced and annotated by N. I. Kraineva. In "Ia vsem proshchenie daruiu...": *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 129–34. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 3, 1963–1966. Moscow: Soglasie, 1997.
- Driver, S. Review of *Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis'ma, vospominaniia*. *The Slavic and East European Journal* 22, no. 1 (1978): 94–95.
- Eizenshtein, S. M. *Izbrannye sochineniia*. 6 vols. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo, 1964.
- Gershtein, E. *Memuary*. Saint-Petersburg: INAPRESS, 1998.
- Ginzburg, L. *Chelovek za pis'mennym stolom*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1989.
- Gitovich, S. "V Komarove." In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 503–19. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- Glekin, G. *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi*. Edited, introduced and annotated by N. G. Goncharova. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Gollerbakh, E. *Gorod muz: Detskoe selo, kak literaturnyi simvol i pamiatnik byta*. Leningrad: [privately printed], 1927.
- Gumilev, N. *Pis'ma o russkoi poezii*. Edited by G. M. Fridlender with R. D. Timenchik. Introduction by G. M. Fridlender. Annotations by R. D. Timenchik. Moscow: Sovremennik, 1990.
- Hemingway, E. "Prazdnik, kotoryi vsegda s toboi." *Inostrannaia literatura* 7 (1964): 112–82.

- . *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1968.
- Jovanović Zmaj, J. *Odabrana dela*. Vol. 1, *Đulići uveoci*. Novi Sad: Matica srpska, 1975.
- Kaminskaia, A. G. "Pamiati Amandy." In *Akhmatovskie chteniia*. Vol. 3, *Svoiu mezh vas eshche ostaviv ten'...*, 43–45. Moscow: Nasledie, 1992.
- Kachurovskii, I. "'Poeziia Evropy' po-sovetski." *Novyi zhurnal* 141 (1980): 108–17.
- Kirk, I. *Born with the Dead*. Cambridge, Mass.: The Riverside Press, 1963.
- Kozlovskaja, G. *Shakherezada: Tysiacha i odno vospominanie*. Moscow: AST, 2015.
- Koroleva, N. "Poeziia tochnogo slova." In *Boris Slutskii: Vospominaniia sovremennikov*, 401–14. Saint-Petersburg: Zhurnal "Neva," 2004.
- Lakhuti, G. "'Liubvi moi ostalos' v mire delo'. Povest' ob ottse." *Literaturnoe obozrenie* 9–10 (1993): 83–94.
- Liberman, A. Review of *Novyi Gulliver*, by A. Bitov. *Novyi zhurnal* 211 (1998): 321–22.
- Luknitskii, P. N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA-Press & Russkii put', 1997.
- Liubimova, A. V. "*Doroga ne skazhu kuda...*": *Dnevnikovye zapisi o vstrechakh s A. A. Akhmatovoi 1944–1965 gg.* Saint-Petersburg: Agat, 2004.
- Malevich, O. M. "Oдна встреча с Annoi Akhmatovoi." In "*Ia vsem proshchenie daruiu...*": *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 49–58. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Mandel'shtam, N. *Ob Akhmatovoi*. 2nd ed. Edited by P. Nerler. Moscow: Tri kvadrata, 2008.
- Metter, I. *Dopros: Avtobiograficheskaia proza i vospominaniia*. Saint-Petersburg: Fond russkoi poezii, 1998.
- Moser, Ch. "U Anny Akhmatovoi." *Grani* 73 (1969): 171–74.
- Naiman, A. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989.
- Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi. Esse. Vospominaniia. Pis'ma*. Edited by M. M. Kralin. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Orlova, R. *Hemingway v Rossii: Roman dlinoiu v polstoletii*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Ostrovskaja, S. K. *Dnevnik*. Foreword by T. S. Pozdniakova. Afterword by P. Iu. Barskova. Moscow: YMCA-Press & Russkii put', 2013.

- Pasternak, B. *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 9, *Pis'ma 1935–1953*. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 10, *Pis'ma 1954–1960*. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Pozharskaia, M. N. *Aleksandr Golovin: Put' khudozhnika. Khudozhnik i vremia*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1990.
- Pozdniakova, T. S. *Peterburg Akhmatovoi: Vladimir Georgievich Garshin*. Edited and annotated by T. S. Pozdniakova. Saint-Petersburg: Nevskii Dialekt, 2002.
- Punin, N. N. *Mir svetel liubov'iu*. Edited, introduced and annotated by L. A. Zykova. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000.
- Remizov, A. *Vstrechi. Peterburgskii buerak*. Paris: LEV, 1981.
- Roskina, N. *Chetyre glavy: Iz literaturnykh vospominanii*. Paris: YMCA-Press, 1980.
- Rudinskii, V. *Vechnye tsennosti: Stat'i o russkoi literature*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2019.
- Sergeev, A. *Omnibus: Al'bom dlia marok. Portrety. O Brodskom. Rasskaziki*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Sil'man, T. "Proshchai, oruzhie! Khemingueia." *Zvezda* 11 (1936): 171–78.
- Shcherbatov, S. "Russkie khudozhniki." *Vozrozhdenie* 18 (1951): 111–23.
- Shtil'man, L. N. *Problemy literaturnykh zhanrov i traditsii v "Evgenii Onegine" Pushkina*. 's-Gravenhage: Mouton & Co, 1958.
- Timenchik, R. "The Oysters of Akhmatova and Annenskii." *Elementa: The Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics* 2, nos. 3–4 (1996): 311–18.
- . "Ustritsy Akhmatovoi i Annenskogo." *Innokentii Annenskii i russkaia kul'tura 20 veka: Sbornik nauchnykh trudov*, 50–54. Saint-Petersburg: AO Arsis, 1996.
- . "O pervom sbornike Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 10, 27–30. Sympheropolis: Krymskii Arkhiv, 2012.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 1. Jerusalem and Moscow: Gesharim & Mosty kul'tury, 2014.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Jerusalem and Moscow: Gesharim & Mosty kul'tury, 2014.
- . *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moscow: Mosty kul'tury, 2018.

- . “Iz Imennogo ukazatelia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Slavica Revalensia* 5 (2018): 256–312.
- . “Iz Imennogo ukazatelia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 179–247.
- . “Iz Imennogo ukazatelia k *Zapisnym knizhkam* Akhmatovoi: Krug Viacheslava Ivanova–Vladimir Piast.” In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitzky, 421–35. Berlin et al.: Peter Lang, 2020.
- Titov, L. [R. D. Timenchik, pseud.]. “K shestidesiatiletiiu knigi ‘Vecher’.” In *Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis’ma, vospominaniia*, 213–17. Paris: YMCA-Press, 1974.
- Tolmachev, M. *Butylka v more*. Moscow: D. Aronov, 2002.
- Ukhanova, A. V. “Teni proshlogo: Vospominaniia khudozhnitsy.” Edited by Iu. M. Dvorkin. In *Liudi i sud’by na rubezhe vekov. Vospominaniia. Dnevnik. Pis’ma. 1895–1925*, 163–82. Saint-Petersburg: Liki Rossii, 2000.
- Walpole, H. *The Secret City*. New York: George H. Doran Company, 1919.
- Zhirmunskii, V. “Preodolevshie simbolizm.” *Russkaia mysl’* 12, no. 2 (1916): 25–56.
- Zhukova, L. *Epilogi*. Vol. 1. New York: Chalidze Publications, 1983.